

Евгений СУХОВ

ТЮРЬМА ГЛУХАРЯ

ЭКМО

Евгений Евгеньевич Сухов

Тюрьма глухаря

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8508684
Евгений Сухов. Тюрьма глухаря: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76343-6

Аннотация

Капитан полиции Павел Загорский переведен из Москвы в Зеленоградское УВД – его отправили в «ссылку» за серию нераскрытых ограблений, одно из которых было особенно громким: из музея вынесли несколько бесценных картин, и сделали это так мастерски, что бывалые сыщики диву дались. Прошло восемь лет. Павел уже почти забыл о своем позоре, когда к нему попало дело об ограблении коллекционера. Изучив материалы, Загорский вдруг понял, что преступление совершил его старый знакомый – картинный вор. И самое главное: в этот раз он «наследил» – оставил зацепку! Впервые за много лет в полицейском проснулся инстинкт охотника. Загорский решил во что бы то ни стало поймать и жестоко покарать виновника своего позора...

Содержание

Глава 1. Неоправданные надежды, или «Я убью его!»	4
Глава 2. Кража как болезнь, или Почему они воруют?	10
Глава 3. Обидный перевод, или Еще одно ограбление	27
Глава 4. Восемь лет спустя, или Зеленоград – провинциальный городок	38
Глава 5. Аквариум с акулой, или Почем нынче вазы?	60
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Евгений Сухов

Тюрьма глухаря

Глава 1. Неоправданные надежды, или «Я убью его!»

Заперевшись в своей комнате, Надежда забралась на диван и, обхватив руками колени, громко зарыдала. Жизнь закончилась какой-то час назад. Внезапно. Подло. Все разрушилось в один миг, оставив после себя лишь тлеющее пепелище. Еще вчера все было просто замечательно, она уверенно строила планы на будущее, простые, человеческие: закончить вуз, выйти замуж, нарожать детей. Между основными событиями ее жизни должно было произойти много приятного: поездки по Европе, отдых на каком-нибудь экзотическом острове, выращивание цветов на даче, встречи с друзьями...

И теперь, в минуту глубочайшего разочарования, странно было лицезреть улыбающиеся лица, слышать радостный смех и думать о том, что кому-то необыкновенно хорошо. Накатывала черная тоска, что с тобой самой судьба обошлась немилосердно, как с нелюбимой падчерицей.

– Надежда, открой! – Услышав твердый голос брата, де-

вушка еще сильнее вжалась в угол. — Открывай!

— Оставь меня, я хочу побыть одна!

— Если ты не откроешь, я просто выломаю дверь. Ты меня знаешь.

Брата она знала хорошо и понимала, что так оно и будет. Нехотя поднявшись, Надя прошлепала к двери и повернула ключ.

— Что ты хотел, Вадим? — подняла она на брата заплаканное лицо.

При виде страдающей сестры его губы неловко дернулись, а потом сжались в упрямую ниточку. Вадим был старше ее на десять лет, помнил тот день, когда родители привезли ее из роддома — всего-то небольшой кулек! — красную, со сморщенным лицом, провожал ее в первый класс, встречал после школы, чтобы никто не обидел. Вся ее жизнь прошла на его глазах, и вот теперь младшая сестренка обрела какие-то свои тайны, куда ему не было доступа.

Несмотря ни на что, Надежда все-таки была сильным человеком и, повзрослев, никогда не выставляла напоказ своих переживаний. Если Вадим и помнил ее слезы, то лишь во времена ее неразумного детства. Теперь, растерявшись, он не знал, как следует поступать. Может, просто закрыть дверь и выйти? Или расспросить о том, что ее гложет? Накатившая жалость резанула где-то под ребрами, и он спросил, немного смешавшись:

— Так я пройду?

– Проходи, – отступила Надежда, пропуская его в комнату.

Сели на диван: Вадим с распрямленной спиной, Надя зажалась в уголке, словно побитая собака. В присутствии за реванной сестры он вдруг почувствовал себя лишним в этой девичьей светлице и сам был не рад, что перешагнул порог.

– Кажется, я догадываюсь, что произошло... Но я бы хотел услышать все от тебя.

– Он сказал, чтобы я избавилась от ребенка.

– Вот как, и почему?

– У него такая работа, что его часто не бывает дома. И вообще он не готов стать отцом.

Так уж сложилось между ними – Надежда буквально с детства доверяла брату свои небольшие секреты. А когда подросла, то не стала ничего менять в доверительных отношениях и делилась с ним как большими, так и малыми тайнами. Она бывала с братом предельно откровенной, чего не случалось у нее ни с подругами, спешащими поведать о ее злоключениях всему свету, ни с родителями, неисправимыми моралистами. Брат мог поддержать добрым словом, дать хороший совет, а при надобности укротить особенно рьяного ухажера резким словом.

В этот раз все было по-другому, посерьезнее, что ли... А потому и ответ она ожидала получить куда более чистосердечный.

– Все так... – негромко произнес Вадим. И, посмотрев на

сестру, добавил столь же невозмутимо: – Я убью его.

Надя взглянула на брата и испугалась его спокойных серых глаз. Сказано было не для какого-то эпитета, который может присутствовать в любом диалоге, и уж тем более не для того, чтобы как-то ее утешить. Вадим просто озвучил свое решение, и в его голове уже созрел какой-то конкретный план.

– Вадим, поклянись, что никогда не сделаешь этого, – сглотнув, твердо произнесла девушка.

– Не обещаю. Он тебя оскорбил и должен за это ответить.

– Послушай, Вадим, ты не о том сейчас говоришь, убийство – это большой грех.

– Возможно... Но не в моей ситуации, – просто объяснил Вадим.

– Ты не сделаешь этого!

– Почему? – Вадим выглядел немного удивленным.

– Потому что... – не отваживалась Надежда подобрать подходящее слово, – потому что я тоже виновата, и я... по-прежнему его люблю.

– Это для меня ничего не меняет. Он оскорбил тебя.

– Я не смогу жить, если его не будет... Пусть мы не вместе, но я буду знать, что он есть, хоть и не рядом со мной, но живой. А так...

– Хорошо, – после некоторой паузы произнес Вадим. – Пусть живет.

– Тогда поклянись, что ты его не тронешь.

– Клянусь, что он будет жив, но у меня к тебе есть тогда одно условие.

– Говори, – ответила Надежда, понимая, что готова исполнить любое обязательство.

– Что ты будешь делать с ребенком?

– Я сделаю аборт, сегодня записалась на очередь.

– Дай мне слово, что этого не произойдет. Ты должна оставить ребенка! Незачем себя уродовать!

– Хорошо, обещаю, – тихо произнесла девушка.

– Это еще не все. Позвони ему и скажи, что между вами все кончено.

– Мы еще не решили окончательно, – попыталась возразить Надежда, подняв на брата заплаканные глаза. Оказывается, она его совершенно не знала. Прежний Вадим был другом, помягче, что ли...

– Хм, удовольствие он получать хочет, а детей воспитывать не желает... Обычная мужская психология. Все это было бы заурядно, если бы не касалось моей любимой сестры. Поверь мне, он никогда тебя не полюбит... Ты меня хорошо поняла?

– Да.

– А теперь звони.

– Я позвоню ему, когда ты уйдешь.

Вадим отрицательно покачал головой:

– Нет. Я хочу услышать разговор.

Надежда подняла трубку, набрала номер. После длинного

гудка в эфир ворвался радостный голос:

– Надя, у меня есть неплохая идея. Давай сходим с тобой сегодня в ресторан «Невские зори». Помнишь, где мы с тобой провели первый вечер? Сегодня там будет выступать...

– Я никуда не пойду, – холодно произнесла Надежда. – Ты мне больше не звони. Между нами все кончено. Забудь меня. Найди себе другую игрушку и мучай ее, сколько хочешь. А я уже не твоя. Ты меня хорошо понял?

Некоторое время в трубке была тишина, после которой раздался подавленный голос Павла:

– Послушай, Надя, я не понимаю, о чем ты говоришь, давай разберемся, давай утрясем все эти недоразумения...

– Недоразумения! – с иронией проговорила она. – Сотри мой телефон, я не хочу тебя слышать! Если ты будешь мне названивать, я покончу с собой, а в предсмертной записке обвиню тебя! Ты этого хочешь?

– Нет.

– Ты хорошо меня понял?

– Да, – прозвучало после минутной паузы. – Больше я не буду тебе звонить. Обещаю...

Отключив телефон, Надежда с вызовом посмотрела на брата:

– Ты доволен?

– У тебя все будет хорошо, – попытался улыбнуться Вадим.

– Не уверена, – отвернулась Надя.

Глава 2. Кража как болезнь, или Почему они воруют?

Десять дней назад, обретя солидный задаток, брюнет получил заказ вытащить из Музея изобразительного искусства Зеленограда картины Тициана, Андреа дель Сарто «Рождение Богородицы», Джулио Романо «Мадонна с кошкой» и скульптуру «Скифская Воительница». Последующую неделю он детально изучал расписание музея. Установил, в какое именно время здание покидает последний сотрудник, кто охраняет музей, где именно висят нужные картины, проведена ли к ним сигнализация, и, проанализировав полученные данные, понял, что дело несложное. Большинство картин, как это бывает в провинциальных музеях, размещалось даже без стекла. Как-то странно, что никто не заинтересовался столь лакомым кусочком раньше. Остается только покопаться в каталогах, чтобы присмотреть некоторые картины и для себя. Позже их можно будет продать какому-нибудь ценителю прекрасного, а полученные деньги выгодно вложить в прибыльное дело. Пожалуй, это будет наиболее разумное решение. Одно дело украсть картину, что могут многие, и совершенно другое – легализовать полученные деньги, чтобы извлечь наибольшую выгоду. Жизнь станет спокойной, и не нужно будет шастать по квартирам и взламывать несгора-

емые шкафы фомкой. Губы чернявого мечтательно разлепились: «Да-а, отмыть и вложить награбленные деньги в прибыльный бизнес – это высший пилотаж, на который способны немногие! Здесь нужны не только умелые руки, но и светлый ум. Остальные грабители в сравнении с таким мастером, даже если они воруют по миллиону, будут смотреться карманниками, крадущими кошелёк у зазевавшейся старушки».

Подъехав к зданию музея на машине, маркированной под полицейскую, они объявили охраннику о том, что поступил сигнал о проникновении в здание, и, когда тот убежал осматривать двери, отправились в зал Ренессанса.

Брюнет удобно разместился в большом мягком кресле и, уперевшись взглядом в большое окно с тяжёлыми темно-синими портьерами, за которым шептались кроны разросшихся во дворе тополей, молчаливо курил, пуская тонкие упругие струйки дыма в высокий потолок с диковинной лепниной. Уже который день его одолевали невеселые мысли, от которых не удавалось избавиться ни крепким виски, ни рискованной игрой в казино, ни девочками из дорогого модельного агентства, больше смахивающего на элитный бордель.

Первая мысль была проста, как кратчайшее расстояние между двумя точками: почему он все-таки ворует?

Ведь в действительности человеком он был далеко не бедным, имелось практически все из того, о чем мечтают обычные люди, и даже то, чего не имеют весьма состоятельные.

Например, неплохая коллекция китайского фарфора эпохи династии Тан. Антиквариат времен Людовика XVI (что поделаешь, страстишка такая – собирать французское золото). Элитные квартиры в Москве и в Санкт-Петербурге, дом в Калининграде, куда он нередко навещался по своим делам. Что еще?.. Дорогие путешествия. К примеру, полгода назад на круизном лайнере посетил Австралию, два месяца назад был в Антарктиде. Правда, не было яхты, которой можно было похвастаться во время мужского застолья, в окружении таких же альфа-самцов, как и он сам, вот только, спрашивается, на кой ляд нужна ему эта яхта?

Ответа на свой первый вопрос он не находил.

Его просто не существовало. Наверное, потому, что воровать ему нравилось, а еще оттого, что он просто хмелел от адреналина, заполнявшего кровь, когда, вооружившись отмычками, перешагиваешь порог чужого дома. Тяга к воровству проснулась в нем не из-за жадности, это совершенно точно, – практически всю жизнь ему приходилось довольствоваться малым: скудные харчи, простая одежда. И потом, воровство не признает границ, не считается с сословиями, оно просто есть, и все тут!

Существует мнение, что воруют от бедности, но это не так, среди нищих честных куда больше, чем среди людей состоятельных. Пример тому: один из его знакомых, обыкновенный водила в таксопарке, отнес в полицию сумку, набитую пачками долларов, которую на заднем кресле оставил

один из пассажиров. Таксист прослыл среди коллег большим чудаком, но сам он никогда не жалел о своем поступке.

Богачи...

О них особый разговор. Кража в их среде – далеко не редкость. Особым шиком считается кража в присутственных местах, особенно в гостиницах: тащат в карманы и сумки все! Начиная от серебряных ложек и заканчивая открывалками для бутылок. Особой популярностью пользуются казино, где можно стащить у зазевавшегося посетителя пару грошовых фишек.

Кража – как болезнь, от которой трудно излечиться. Он бы и сам не мог ответить себе откровенно, откуда у него возникла потребность засматриваться на чужой кошелек, и это у человека, большую часть жизни прожившего в благополучной семье. Так или иначе воровство было его добровольным выбором, ставшим кредо, которое он превращал в настоящее искусство и где ему просто не было равных. Для немногих, таких как он, это была религия, и он был главным ее священником.

«Мазуриков» подразделяют на разные категории. Одни воруют то, что плохо лежит... Наиболее безответственная группа. Ему приходилось знать одного искусного «щипача», который во хмелю, не осознавая того, что совершает, крал кошельки и бумажники у собственных приятелей. Причем проделывал это настолько виртуозно, что никто даже не догадывался о пропаже. Протрезвев, «щипач» невероятно сты-

дился своих шальных и невероятно умелых рук и, показывая украденный кошелек, интересовался у друзей, у кого именно он мог его тиснуть. Другие крали, потому что это был наиболее легкий способ заработать деньги. Достаточно всего лишь с полчаса посжигать нервные клетки, чтобы потом съездить на море при хороших деньгах и подправить расшатавшуюся психику. Для них кража была образом жизни, такой же необходимостью, как дышать, есть, пить. Сам же он принадлежал к другому, более высокому сословию. Он крал затем, чтобы в полной мере реализовать свой криминальный талант, узнать потолок своих возможностей, приподнимая его все выше с каждой кражей.

Ему никто не рассказывал, как воровать, как делать отмычки, с ним никто не делился личным воровским опытом, он не проходил школу «молодого вора». Просто все эти знания в нем были заложены изначально, как кровь или разум, как врожденные рефлексy, без которых человек несостоятелен.

Что поразительно, он всегда знал, как следует вести себя в преступной среде, хотя никто этому его тоже не учил. Осознавал, о чем следует говорить с ворами и о чем лучше промолчать. Как вскрыть тот или иной замок, как сохранить самообладание в стрессовых ситуациях. Иногда ему казалось, что эти знания и навыки он приобрел еще в колыбели, впитывая их вместе с молоком матери, и, улыбаясь, думал о том, что наверняка вместо плюшевых игрушек ему давали играть

набором ключей с замысловатыми отмычками.

Второй вопрос: как долго это может продолжаться?

Внутри его сидело серьезное сомнение, что следующий шаг может стать для него роковым, а потому с этим опасным ремеслом следовало как-то понемногу завязывать. Сейчас он решил, что это будет последнее его дело.

Ну, почти последнее...

Рядом с ним в точно таком же глубоком кресле с высокими подлокотниками, принадлежавшем некогда императорскому дому царствования Александра III, сидел вертлявый шатен лет тридцати с широкими скулами и бегающим взглядом. Третьим был узколицый сухощавый блондин, подстриженный под «ежик», – заложив руки за спину, он переходил от одной картины к другой. Зал был залит светом, у полотен, чтобы посетители могли в полной мере насладиться сочностью красок, выставлена дополнительная подсветка. Вот только пришедшие в музей не были обычными посетителями: все трое одеты в форму полицейских, а два часа ночи – не самое подходящее время, чтобы любоваться произведениями искусства.

Впрочем, для ограбления у него был еще один мотив. Возможно, самый важный...

Неожиданно брюнет резко поднялся и произнес, как если бы подвел черту под невеселые думы:

– Все готово?

– Да, – с готовностью отозвался широкоскулый.

– Тогда приступаем! Давай начнем вот с этой картины, – показал он на полотно Тициана, с которого на него взидала привлекательная женщина с обнаженной грудью, застывшая на века перед большим зеркалом. Вытащив мобильный телефон, брюнет произнес: – У тебя все в порядке, Чиж?

– Да, вроде бы никого, – прозвучал спокойный ответ.

– Ладно, хорошо. Смотри там в оба.

Дверь открылась, и в зал Ренессанса вошел охранник лет сорока. Чем-то он напомнил ему мужчину с картины Тициана «Ревнивый муж» – такой же бородатый и с тем же колющим взглядом. Вот только вместо кинжала он держал в руке связку ключей.

– Вы все проверили? – заинтересованно спросил брюнет, повернувшись к охраннику.

– Все! Как будто все в порядке. Видно, сигнализация была ложной, выходит, что вы зря приехали.

– Нет, не зря, – едко улыбнувшись, ответил брюнет. Расстегнув кобуру, он вытащил из него «макаров» и сказал: – Подними руки... если хочешь жить. Это ограбление.

– Как же так? Так вы что, не из полиции? – ошарашенно завертел головой охранник, поглядывая на окруживших его людей.

– Не из полиции. Знаешь, решили немного заработать. Пятнадцать минут нервного напряжения, и ты уже миллионер. Неплохо, а? Ограбление – не самый худший способ стать богатым. Чего стоишь? – посмотрел брюнет на узколицего. –

Пристегни охранника к трубе, так понадежнее.

– Понял, – охотно отозвался тот.

– Смотри, не дергайся, – предупредил брюнет, – хотелось бы в этот раз обойтись без трупов.

Блондин подвел охранника к батарее.

– Сядь на пол. Руки сюда. – Блондин протянул за трубой наручники и сцепил между собой выставленные запястья. – Вот теперь он никуда не денется.

Чернявый, переступая длинными худыми ногами, неспешно переходил от одной картины к другой, выискивая наиболее значимые полотна, иногда останавливался перед некоторыми из них, многозначительно морщил лоб и кивал головой:

– Берем эту!

Его неторопливость начинала раздражать блондина. «Чего тут медлить? Срезал по-быстрому картины, свернул их в рулоны, да и сваливай восвояси, зачем же искушать судьбу?»

Они вместе с вертлявым вырезали холсты из рамы и аккуратно сворачивали.

– Знаешь, – посмотрел брюнет на вертлявого, – это самое приятное ограбление в моей жизни. Никто не мешает, не дышит тебе в затылок. Достаточно только протянуть руку, и можно взять любую картину. Всегда любил работать с произведениями искусства. Тут тебе и деньги, и красота!

В одном месте их ждал неприятный сюрприз: там, где еще вчера висела картина «Мадонна с кошкой», теперь торчали

четыре гвоздя.

– А где картина Джулио Романо? – спросил брюнет у охранника, покорно сидевшего у батареи.

– Она в мастерской, решили поменять рамы, – уныло отозвался тот.

– Где находится мастерская?

– В соседнем крыле на втором этаже, двести четвертая комната.

Нижняя губа брюнета капризно дрогнула. Не повезло!

– Ты все собрал? – спросил он у блондина.

– Да.

– Идем в двести четвертую комнату. Знаешь, не люблю отказываться от хороших денег, чтобы потом не жалеть.

– Все правильно, – широко заулыбался шатен. – Тем более тут рядышком будет. Посмотри сюда, это скифское золото, – показал он на витрину, за стеклом которой, кроме обычных женских украшений, были две искусно исполненные золотые статуэтки: всадник, сжимавший в руках копье, и девушка в длинном платье, восхищенно посматривающая на молодого воина. Вне всякого сомнения, эта была единая композиция, за сотни лет забвения влюбленную пару разлучить не сумели. Видно, их связывало настоящее чувство. А рядом с ними – знаменитая «Скифская Воительница», оцененная в двести миллионов долларов. – Ты знаешь, сколько все это стоит?

– Понятия не имею.

– Эти фигурки будут дороже всего того, что мы взяли. За-

хватим еще и их.

– Но у нас нет на них заказа, лишние хлопоты, – возразил широкоскулый. – А потом тащить... Тяжело! Сам подумай! И без этого полно груза.

– Ничего, потерпим.

– Ну, смотри!

Сбив замок с витрины, блондин открыл дверцы шкафа и вытащил две статуэтки. Лица на скульптурах были одухотворенными, какие можно наблюдать только у любящих людей, даже глаза, выполненные из какого-то темного минерала, слегка поблескивали. Он аккуратно положил статуэтки в сумку, затем сгреб золотые украшения: кольца, подвески, серьги...

– Где видеозаписи? – Охранник угрюмо молчал. Главарь подошел к нему и хмуро спросил: – Ты что, героя, что ли, из себя решил строить? Так мы поможем умереть тебе доблестно. – Ткнув пистолет в лоб охранника, он увидел, как у того болезненно сжались губы, и слегка повернул кисть, так, чтобы мушка винтом вгрызлась в его кожу. – Знаешь, я не люблю ждать. У тебя пять секунд, – посмотрел он на часы, – хотел обойтись без жертв, но, к сожалению, не бывает все идеально. – Раз, два...

– Постой... – взмолился охранник, – в нашей комнате... Это на первом этаже, на двери написано «Охрана».

– Где ключ?

– В правом кармане.

Узколицый блондин пошарил по карманам охранника и, вытащив тяжелую связку ключей, довольно хмыкнул.

– Какой из них от вашей комнаты?

– Вон тот длинный, с двумя воротками.

Повернувшись к шатену, брюнет лениво распорядился:

– Разберись с ним.

– Понял, – охотно отозвался тот.

– Я ничего не скажу! – взмолился сторож. – Только не убивайте.

Приблизившись, шатен вытащил из кармана пистолет и рукоятью ударил сторожа в затылок. Тот обмяк и сполз на пол.

– Достаточно! – прикрикнул чернявый, остановив шатена, поднявшего руку для второго удара. – Не надо убивать, он и так ничего не вспомнит. Иди и сотри запись, – приказал он блондину. – Давай пока сумку, чего ты с ней будешь таскаться? Тяжелая, однако, – невольно протянул брюнет, принимая груз. – Встретимся около машины. Мы пока заберем картину Джулио Романо.

Блондин энергично выскочил из зала. Некоторое время его быстрый шаг гулким эхом тревожил широкий коридор пустынного здания, а потом затих, едва он ступил на ковровую дорожку лестницы.

Следом вышел чернявый, за ним, сжимая под мышкой свертки с вырезанными картинками, торопился шатен. Нужную комнату отыскиали быстро. Вставив ключ, брюнет повер-

нул его на два оборота и тотчас заметил, как в дальнем конце коридора синим светом замигала лампа, предупреждая о том, что дверь находится под сигнализацией.

– Проклятье! Через пять минут здесь будет полиция! Где картина? – устремился он в комнату. Зло смахнул со стола ворох холстов: на пол полетели кисточки, карандаши, зловеще лязгнула об пол длинная металлическая линейка. – Где?!

Шатен торопливо рылся среди полотен, развешанных на стойках. Неужели охранник соврал? Тогда вернуться и убить! В самом углу, прислоненная лицевой стороной к стене, будто бы наказанная, стояла картина в золоченой раме. Подняв ее, брюнет облегченно вздохнул, это было полотно Джулио Романо «Мадонна с кошкой». Вытащив нож, он срезал матерчатые ленты, скрепляющие картину с рамкой, и уверенно свернул ее в рулон.

– Падла, не сказал, что дверь под сигнализацией! Я его добыю! – метнулся шатен.

– Стой! – ухватил его за рукав брюнет. – Не успеть! Это можно сделать и в следующий раз.

– Ладно, черт с ним! Мы еще повидаемся!

Блондин прошел в комнату охраны и невольно хмыкнул: на огромном мониторе, стоящем на небольшом столе напротив входа, он увидел брюнета, рыскающего по комнате в поисках картины. Пальцы, уже занесенные для удара, чтобы навсегда уничтожить проникновение грабителей в музей,

вдруг остановились... Помедлив секунду, он вставил в процессор флешку и закачал в память последние пол-часа видеозаписи. И только после этого стер запись.

Блондин выскочил из здания в тот самый момент, когда полицейская машина, подавая звуковые сигналы и сверкая проблесковыми маячками, въезжала во двор музея. Синий и красный цвета быстро заскользили по фасаду здания, освещающая стволы деревьев, выстроившихся в аллее, словно солдаты на смотре, по крыше полицейской машины, стоявшей в глубокой тени высокого каменного забора.

– Подожди меня! – крикнул блондин, бросившись к машине с заведенным двигателем. Через затемненное стекло он рассмотрел сосредоточенное лицо водителя, рядом на пассажирском кресле устроился брюнет, в заднее сиденье вжался вертлявый.

Но неожиданно машина тронулась и, просвистев тяжелыми шинами по брусчатке, выехала из музейного двора, едва разминувшись со встречной полицейской машиной.

Четыре дверцы патрульной машины отворились практически мгновенно, и из салона выскочили полицейские, вооруженные автоматами.

– Стоять! – выкрикнул сержант, бежавший первым. – Стрелять буду!!

Проблесковые маячки лупили в стену красным и синим цветом, били по нервам, волновали кровь. На белой стене, совершенно гладкой на первый взгляд, блондин увидел

небольшие щербины. Прыгнув прямо на них, зацепился гибкими сильными пальцами, легко подтянул тренированное тело и перемахнул через забор прямо в густые кусты. Не разбирая дороги и треща сучьями, попадавшими под подошвы, он побежал по заросшему саду в сторону дороги.

– За ним! – послышался далеко за спиной голос. – Уйдет!

Выбежав на свет – центральную улицу города, – он умирил дыхание и зашагал как обычный прохожий. Где-то позади надрывалась полицейская сирена, но вскоре стихла, когда машина завернула в соседний переулок.

– Чиж, прижмись где-нибудь здесь.

– Хорошо, – отозвался водитель.

Свернув в безлюдный тихий переулок, он заглушил двигатель.

– Все. Приехали! – Повернувшись к вертлявому, не проронившему за всю дорогу ни слова, брюнет сказал: – Сейчас разбегаемся в разные стороны навсегда! Ты нас с Чижом не знаешь, мы тебя тоже не знаем и никогда с тобой не встречались. Затаишься как мышь.

– Лады, – негромко проговорил шатен.

Без особого трепета, не разбирая, что именно попадетсЯ под ладонь, брюнет вытащил горсть золотых украшений, среди которых были кольца, перстни, амулеты, серьги.

– Это твоя доля... Здесь больше того, на что мы договаривались. Можешь делать со своей долей все, что хочешь.

Только смотри, не продешеви. Все это стоит бешеных денег.

– Понял. – Вытащив из кармана обыкновенную холщовую сумку, вертлявый бережно уложил в нее драгоценности. – Посоветуй, как мне лучше поступить с ними.

– Можешь обратиться к продавцам антиквариата, они умеют держать язык за зубами, можешь попытаться выйти на коллекционеров, эти заплатят большие деньги.

– Знатные вещички, – уложив драгоценности в сумку, повертел в руках перстень шатен.

– Так и понесешь в этой сумке? – хмыкнул брюнет.

– А что не так?

– Вот подельничков бог послал! – недовольно проговорил брюнет. – Золотом ведь светишь! Пока до дома доберешься, тебя десять раз ограбят! На вот, возьми, – поднял он с заднего кресла сумку. – «Молнию» не забудь застегнуть, а то все золотишко по дороге вытрясешь.

Уложив в сумку изделия, вертлявый спросил:

– А как быть с четвертой долей?

– Тебя это не должно напрягать. Может, его уже менты повязали...

– Как-то нехорошо с ним получилось.

– Он сам виноват. Чего мешкал? Запомни, его для нас нет, он умер. Не хватало, чтобы запалиться по-глупому.

– А если он будет звонить?

– Оборви все контакты, выброси телефон и сваливай как можно дальше из города. Уже завтра здесь такой кипеж под-

нимется, что не приведи господь! Полиции будет больше, чем горожан!

– Так и сделаю. А ты куда двинешь?

– Сложно сказать... Россия большая, может, в Москву вернусь, а может, на Севере где-нибудь перекантуюсь. А теперь выходи... Доберешься сам?

– Без проблем. – Открыв дверцу, шатен шагнул в ночь.

Достав телефон, брюнет уверенно набрал номер:

– «Скифская Воительница» у меня.

– Прекрасно, не дождусь минуты, когда я буду держать ее в руках.

– Я хочу за нее в два раза больше, – произнес он неизвестному абоненту. – Меня не устраивает прежняя цена, слишком дорого она мне досталась.

– Мы так не договаривались, – прозвучал недовольный ответ после минутной паузы. – Это не по правилам.

– Теперь это неважно, правила поменялись. Если нет, в таком случае я оставляю ее себе, она мне тоже понравилась.

Брюнет нажал на кнопку сброса и сунул телефон в карман.

– Ну, чего, Чиж, стоим? Поехали!

Вспыхнул ближний свет, отвоевав у темноты кусок серого грязного асфальта, расчерченного в неровные классики чьей-то нетвердой рукой, и черную металлическую ограду соседнего дома. Прозвеневший звонок вывел его из задумчивости. На циферблате отразился номер блондина. Не самое подходящее время для объяснений. Брюнет вытащил из

телефона сим-карту и сунул ее в карман. Где-то за углом на соседней улице, ударив по нервам, прозвучала сирена «Скорой помощи». Чиж неторопливо выехал из переуллка и заколесил в сторону центральной улицы.

Глава 3. Обидный перевод, или Еще одно ограбление

Шесть дней назад капитан Павел Загорский был переведен из Главного следственного управления, где прослужил семь лет после окончания университета, в небольшой среднестатистический городок под названием Зеленоград. Причина для перевода выглядела вполне солидно – для усиления местного следственного отдела.

Вот только об истинных причинах подобного перемещения можно было только догадываться. Тут вообще могло быть несколько вариантов, первый из которых – кто-то наверху беспардоннейшим образом проталкивает своего человека, а Павел Загорский, человек без роду и без племени, оказался на пути у влиятельной личности, потому его просто подвинули, подыскав для этого благовидный повод. Второй вариант, весьма банальный, – стал раздражать начальство своими инициативами. И третий – его элементарно подсадили, что тоже происходит нередко в коллективе, где одни честолюбивые мужики. Каждый из них желает заполучить от жизни максимум благ: «тяжелые» погоны, почет окружающих и море удовольствия, выраженное в материальном эквиваленте. Четвертый, наиболее вероятный вариант: Павел Загорский просто элементарно проштрафился, не сумев рас-

крыть вовремя очередное дело, вот его и отправили в Зеленоград в ссылку, пусть даже в должности начальника отдела. Для его лет это вполне солидное назначение, которым мог похвастаться не всякий, даже по завершении своей карьеры. Но те, кто хоть как-то посвящен в полицейскую службу, прекрасно осознавали, что из Москвы просто так не убирают. И Павел Загорский, привыкший в столице к масштабу работы, непременно хотел вернуться и собирался предпринять для этого все возможное.

Действительная же причина его перевода из Москвы в провинциальный город заключалась в том, что в трех последних порученных делах он показал отрицательный результат. Первым делом в череде неприятностей было ограбление в аэропорту Домодедово, где в одном из складов хранилища пропала крупная сумма наличности. Ограбление было настолько ювелирно сработано, что ни следов взлома, ни отпечатков пальцев, ни сопутствующих улик. Ничего ровным счетом! Отсутствовали даже свидетели, так или иначе появляющиеся при любом криминальном расследовании. Далее ему поручили ограбление банка «Московит», тоже весьма резонансное дело. Сигнализация была отключена на пятнадцать минут, в течение которых и ограбили банк. Преступники, открыв пять дверей своими ключами, положили на пол охранников и так же спокойно удалились. Действовали в масках, профессионально, очень нагло, охранники так перепугались, что даже не могли точно сказать, сколько было

грабителей – не то трое, не то четверо, – не говоря уже о каких-то иных деталях.

Именно после этих двух дел его перевели в область, пожелав впредь быть более расторопным.

Едва он прибыл в Зеленоград, как произошло новое ограбление, не уступающее по дерзости московским. Единственное, что отличало последнее дело от двух предыдущих, так это примененное насилие. Оно было выполнено не так ювелирно, что ли... Единственный свидетель, охранник музея, продолжал пребывать без сознания, открывал глаза лишь для того, чтобы слегка отреагировать на склоненные над ним родные лица, и вновь впадал в черноту забытья. Врачи, сделавшие операцию, давали неплохие прогнозы на его выздоровление, вот только не было никаких гарантий, что он когда-нибудь припомнит остаток злополучной ночи.

Павел Загорский невольно поморщился, все играло против него. Если его служба и дальше будет протекать таким же образом, то в следующий раз его переведут куда-нибудь в ВОХР.

Первое, что он сделал, когда заселился в служебную квартиру, – закрепил на стене фотографии ограблений, произошедших в аэропорту Домодедово и в банке «Московит». Всякий раз, проходя мимо расклеенных фотографий, он видел взирающие на него развороченные сейфы и распахнутые несгораемые шкафы – немые свидетели его промахов. Теперь рядом с этими снимками заняли место снимки из

музея искусства Зеленограда, выпятившие крупным планом пустые места с колышками, где еще совсем недавно висели картины Ренессанса. Особо тяжелой потерей считалась «Скифская Воительница», оцененная экспертами не менее чем в двести миллионов долларов.

Выпив чашку кофе, Павел Загорский отправился на службу. В какой-то момент ему захотелось позвонить Наде (все-таки расстались они не самым лучшим образом), но, поразмыслив, решил этого не делать. Кто знает, может, сейчас так лучше для обоих... Едва он перешагнул кабинет, как в дверь негромко постучали и тотчас, не дожидаясь ответа, вошел заместитель Анакшин Антон.

– Свою агентуру пробил?

– Да, кое-что имеется, – охотно отозвался Антон. – Вчера вечеринка в Доме культуры была, так вот на одной из приглашенных были серьги из ограбленного музея.

– Ты уверен? – поднял Загорский на заместителя тяжеловатый взгляд.

– Сомнений быть не может, – твердо ответил Анакшин, – их узнала сотрудница музея. Она работает именно в этом зале, скифской эпохи. Изумруды в серьгах большие, но не обработанные. Работать с драгоценным камнем тогда не умели.

– Установили, что за женщина?

– Алевтина Ситдикова, студентка третьего курса педфака. Сожительствует с местным рецидивистом Кубасовым Валентином. Погоняло «Кубас».

– А где сейчас этот Кубас?

– Где-то затаился. Но мы точно знаем, он в городе. Ситдикова сделала Кубасу коротенький звонок, обменялись парой фраз, вот только мы не успели засечь, где именно он затаился. На всякий случай перекрыли трассы, из города ему не выбраться.

– Все правильно. Сделаем вот что... – Загорский не договаривал, так как зазвонил телефонный аппарат, стоявший на столе. – Слушаю, – поднял он трубку.

– Товарищ капитан, это командир взвода патрульно-постовой службы старший лейтенант Мотыль. Кубасова задержали. В машине у него обнаружили золотые украшения из Музея изобразительного искусства.

– Где он сейчас?

– Мы его заперли в тридцать первом отделении. Вы подъедете?

– Уже выезжаю! – Загорский положил трубку. – Едем в тридцать первое отделение.

Малость помятый, со следами недавней борьбы на лице, Валентин Кубасов с защелкнутыми за спиной наручниками сидел за стареньким небольшим столом, повидавшим на своем веку не одно поколение уголовников. Затертая деревянная поверхность стола с многочисленными щербинами и глубокими царапинами, вне всякого сомнения, имела сложную судьбу. Она напоминала морщинистое лицо бывалого чело-

века, на долю которого выпало немало бед. Взгляд эксперта мог увидеть глубокие царапины от наручников, порезы от ножа, а на самом краю виднелась потемневшая отметина от выпущенной пули.

Глаза у Кубасова нехорошие, злобные, на вошедших он взирал враждебно, и если бы не наручники, стянувшие за спиной запястья, так бы и вцепился ручищами в горло. Рядом с арестованным, знавшим о его взрывном характере, застыл сержант полиции.

– Оставь нас, – сказал Загорский, – поговорить нужно.

– Наброситься может, товарищ капитан, мы его втроем едва успокоили.

– Хм, его понять можно, кто же обратно на «кичу» хочет... А потом, куда же он в наручниках денется?

Сержант ушел.

– Знаешь, я начну без предисловий... Времени нет. Бабу свою любишь?

– При чем тут баба? – проскрипел зубами Кубасов.

– А при том, что ее лет на десять могут закрыть за ограбление музея.

– Следак, не вешай на нее того, чего за ней не было. Она не при делах.

– А это ей еще доказать надо! Цацки-то с музея она на себя навешала. Люди видели, признали, откуда они... Значит, знала, что цепляла и откуда.

– Она не знала... Я ей сказал, что они чистые.

– Хранение краденого – тоже немалый срок. Обещаю тебе как на духу. – Для пущей убедительности Загорский приложил ладонь к груди. – Она пойдет по этапу. А уж там найдутся люди, кто ее красу ненаглядную потопчет.

– Оставь бабу, она не при делах, говорю. Доверчивая, как беременная курица.

– Тогда расскажи, как все было на самом деле.

– А ты меня не кинешь? Отлипнешь от нее?

– Обещаю.

– Что это за люди, я точно не знаю, мутные какие-то. – Заметив, как помрачнел взгляд Загорского, он поспешно добавил: – Ну, падлой буду!

– Свои имена назвали?

– Назвали... Но не уверен, что настоящие.

– Как они выглядели? Сколько им лет?

– Обоим около тридцатника... Один чернявый, высокий, он был за старшего. Назвался Тимохой. Другой обозвался Альбертом. Хотя какой из него Альберт, физиономия типичного русака! Был еще третий, водитель, неразговорчивый парень. Он появился только в день ограбления. Я его толком даже не рассмотрел.

– Как его звали?

– Они его называли Чиж. Я понял так, что они давно знакомы, пару раз вспоминали какие-то совместные терки. – Кубасов помолчал и вдруг широко улыбнулся: – Но дело свое знают. Я с ними целые университеты прошел. Когда на «ки-

чу» вернусь, будет о чем корешам поведать. Грамотно действуют, с умом, я такое только в кино видел.

– Они рассказывали что-нибудь о себе?

– Только самую малость. Однажды этот Тимоха как-то ляпнул, что они грабанули хранилище в Домодедове и банк «Московит», а «капусты» отгребли...

– Что?! – невольно воскликнул капитан Загорский.

– Послушай, следак, я тут в натуре не при делах, если что-то не то ляпнул, так могу забыть. Я ведь не знаю, какие у вас там ментовские расклады. Может, вы уже кого-то закрыли за это дело.

– Он не рассказывал подробностей?

Загорский невольно полез в карман, пытаясь отыскать пачку сигарет, но сразу вспомнил, что три дня назад бросил курить, и единственное, что ему оставалось, так это поигрывать зажигалкой.

– Не было никаких подробностей. Сказал, что выгодное дело было и нынешнее не хуже будет.

– Кто у них главный?

– Я понял, что Тимоха.

– Как он на тебя вышел? Почему взял именно тебя?

– Сам не знаю... Случайность. Но ребята конкретные! Как сейчас помню, это в воскресенье было, договорился с подругой около кабака встретиться, жду, а ее нет. А тут тачка крутая подруливает. Водитель из машины вышел и в кабак потопал. Не знаю почему, но он даже дверцу не закрыл, видно,

на одну минуту выскочил. Я мимо проходил, вижу через открытую дверь, на сиденье тугая борсетка лежит. Я дверцу-то пошире приоткрыл, руку сунул, борсетку взял, а меня кто-то со спины под ребро стволом ткнул и приказал в машину залезть. Я сел в салон – никуда не рыпнешься. Потом этот Тимоха сказал, что я ему должен и обязан отработать.

– И ты что?

– А куда денешься? Нужно было его глаза видеть. Сразу понял, если скажу «нет», он меня тотчас завалит! Сначала они меня на мелочи проверяли, то киоск заставляли вскрыть, то на склад залезть. С ключиками помогали разобраться, отмычками работать... А потом уже и на музей пошли.

– Где они могут быть?

– А я почему знаю? – вполне искренне удивился Кубасов. – Вы следаки, вот вы и ройте!

– Что было, когда из музея выехали?

– Этот Альберт во дворе музея остался. Мы его не успели забрать, полиция подъехала. А с Тимохой мы через полчаса расстались. Он мне оставил кое-какие брюлики, а сам срулил. Куда – не знаю!

– Брюлики, говоришь... – невольно усмехнулся Павел. – Вот только эти самые брюлики миллионов на десять потянут.

– Десять миллионов рублей, – покачал головой Кубасов. – Не хило! Я такие деньжищи даже в руках не держал.

– Я тебе говорю не про рубли, а про доллары. Десять мил-

лионов долларов! Только одни серьги, что ты своей подруге дал на вечер, стоят не менее миллиона баксов! А куда делась «Скифская Воительница»?

– Эта баба с копьем, что ли? – равнодушно спросил Кубасов.

– Она самая.

– Тимоха себе ее забрал, сказал, что у него заказчик на нее есть.

– А куда подевались картины?

– Картины тоже у него.

– Ты что, даже не попросил, что ли? Лоханулся ты, братец!

– Я в этом деле не разбираюсь, – отмахнулся Кубасов. – Одно дело – золотишко, деньги, а с картинами что я буду делать? В прихожей, что ли, повешу?

Перед капитаном сидел недалекий человек – весьма подходящая кандидатура для сотоварища в предстоящем серьезном ограблении. Такой, как он, много не попросит, если что и хватал от жизни, так это пару гривенников, затерявшихся в чужом кармане. Вряд ли он способен почувствовать разницу между «Скифской Воительницей» стоимостью в двести миллионов долларов и простой золоченой статуэткой в каком-нибудь дешевом магазине игрушек. Что перепадет, тому и будет рад!

– Верно, не повесишь, – легко согласился Загорский. – Потому что только одна картина Джулио Романо «Мадонна с кошкой» оценивается по самым скромным подсчетам в два-

дцать миллионов долларов. А таких картин у твоего Тимохи было два десятка.

– Вот суки! – в сердцах воскликнул Кубасов. – И здесь надули! Верь после этого людям.

– А теперь посиди в камере и подумай, где они могут быть! Дежурный! – громко выкрикнул капитан и, когда на зов появился полицейский сержант, распорядился: – Отведи его в камеру. Может, это как-то освежит его память.

Кубасов поднялся и с надеждой посмотрел на Загорского:

– Бабу-то не тронешь? Ведь обещал. Не при делах она....

– Не трону, вот только я не уверен, что она будет ждать тебя десять лет.

Глава 4. Восемь лет спустя, или Зеленоград – провинциальный городок

Виталий Воронцов, набрав телефонный номер, произнес:

– Игорь? Алешкевич?

– Он самый, кто это?

– Виталий говорит. Нужно встретиться. Дело есть.

Некоторое время абонент молчал, лишь глуховато пыхтя в трубку, а потом отозвался.

– Хорошо. Где именно?

– Кафе «Маркиз» знаешь?

– Кто ж его не знает?

– Встретимся там в шесть часов. Лады?

– Договорились.

– Вот и славно, – ответил Воронцов и отключил телефон.

Игорь Алешкевич не опоздал, пришел ровно в шесть. Дружески поздоровавшись с Воронцовым, опустился на соседний стул. Виталий, молодой мужчина лет тридцати, узколицый, с небольшой горбинкой на крупном носу, ковырялся в блюде с мясом и лишь сдержанно кивнул на энергичное приветствие. Подскочившему официанту Алешкевич заказал бифштекс, а когда тот скоренько удалился, чиркнув какую-то закорючку в блокноте, спросил:

– Что там за дела?

– Колотый на тебя обижается.

– В чем дело? Вроде бы основания не давал.

Воронцов отрезал небольшой кусочек, положил его в рот и, аккуратно прожевав, продолжил:

– Он сказал, будто бы за тобой должок какой-то имеется. В чем там дело, я не знаю. Ваши дела меня не касаются, сами разбирайтесь. Как говорится, за что купил, за то продал. А сказал он, чтобы ты отвез на зону «грев». Тропа уже проложена. Позвони ему вот по этому телефону, – протянул Воронцов листок с несколькими цифрами.

Взяв клочок бумаги, Игорь Алешкевич взглянул на телефон и, сложив его вчетверо, сунул в наружный карман рубашки.

– Без проблем... Что-нибудь придумаю.

Подскочил официант с заказанным бифштексом и торжественно поставил тарелку на стол. Ткнув его ножом, Алешкевич неодобрительно хмыкнул:

– Что-то он жестковат.

– Он очень вкусный, – ответил официант и быстро удался, видно опасаясь дополнительных вопросов.

– Как Ульяна? – неожиданно спросил Алешкевич, отрезав небольшой кусочек.

– Тебе это надо у Семена спросить, а не у меня... – хмыкнул Воронцов. – Могу сказать, что с ней все в порядке, тебе не стоит переживать. Она в надежных руках. Если ты дума-

ешь, что она тебя вспоминает, так это не так. Забудь! Все должно быть без обид.

– Понял... Вот только отчего-то не очень забывается... Как ты здесь оказался?

– Здесь у меня кое-какой бизнес. Остались незавершенные дела. И потом, ты как-то неожиданно пропал, а мне это не понравилось. Считай, что я соскучился.... Последний раз мы с тобой виделись в Питере?

– Да.

– Сколько прошло, год?

– Где-то так. Как-то неожиданно все это... Сначала Питер, потом Зеленоград...

– Чего же тут неожиданного? Ты любишь играть в карты, так что если где и можно с тобой пересечься, так только на катранах. К тому же ты, видно, забыл, что кое-что должен мне с нашей последней встречи. Сколько ты проиграл? Тридцать тысяч? Мне хотелось бы получить должок.

– Денег у меня нет...

– Это ты напрасно, – попенял Воронцов.

– Я не о том, у меня есть кое-какие вещи, которые тебя могут заинтересовать. Мне кое-что перепало от предков, я могу продать.

– Например?

– Есть кое-какие изделия с изумрудами, сапфирами. Могу предложить. Тебе понравится.

Воронцов вытер салфеткой рот.

– Хорошо. Ты умеешь быть красноречивым, давай встретимся у меня завтра, скажем, часа в три. Там будет и Семен, наверное, хочешь повидать старого друга? Запоминай адрес... Хороводная, семнадцать.

Отодвинув от себя тарелку с бифштексом, Алешкевич мрачно произнес:

– Какая отвратительная кухня. Интересно, кто может жрать эту мерзость?.. Я подойду. И скажи Семену, что я принесу кое-что интересное.

– Не опаздывай, – предупредил Воронцов, поднявшись из-за стола, – я могу уйти. И не думай куда-то слинять, иначе следующая наша встреча может оказаться куда более драматичней.

Алешкевич пришел точно в назначенное время. Ему открыл Виталий и крикнул в глубь комнаты:

– Семен, у нас тут гости!

– Пусть проходит, – вышел в прихожую высокий мужчина лет тридцати пяти, породистый, ухоженный, с русыми, слегка выющимися волосами, аккуратно зачесанными назад. Такое впечатление, что над его безупречным образом билась целая когорта парикмахеров, визажистов и модных кутюрье. Весь его облик источал довольствие, богатство, удачу, что дается лишь природой и выпадает на избранных. В этой жизни он выиграл главную лотерею: невероятную харизму, умение нравиться людям, а еще здоровый цвет лица с обворо-

жительной улыбкой, магически действующей даже на самого несогласного.

– Здравствуй, Семен, – поздоровался Игорь Алешкевич, проходя в комнату.

– Давненько не виделись.

– Время идет.

– Садись.

Алешкевич присел на предложенный стул.

– Так что там у тебя? – спросил Виталий. – Показывай!

Вытащив из кармана небольшой холщовый мешочек, Игорь развязал горловину и вытряхнул из него на ладонь перстень с крупным изумрудом.

– Взгляни, – протянул он его Воронцову.

– Хм, сильная вещь... – бережно принял тот перстень. Потом аккуратно надел его на безымянный палец. – Прямо в пору, как влитое!

– Эта вещь стоит больше, чем тридцать тысяч. Меня интересует, у тебя есть деньги?

– Деньги, говоришь?.. Взгляни, Семен, как он тебе? – выставил Виталий ладонь. – Нравится? Он может быть твоим. – Сняв с безымянного пальца перстень с крупным изумрудом, Воронцов протянул его Семену.

Со стороны могло показаться, что всю свою жизнь Семен Чурсанов прожил в подмосковном замке, каждый этаж которого забит фарфоровыми вазами и полотнами мастеров голландской живописи. Но в действительности дело обстояло

совсем иначе: рожденный на зоне, он даже точно не знал, кто в действительности его настоящий отец. По рассказам матери, угодившей за кражу в тюрьму в восемнадцатилетнем возрасте, это был тридцатилетний блондин, в послужном списке которого значилось с десятков удачных вооруженных ограблений и двенадцать лет, проведенных на строгом режиме. То, что случилось между его матерью и отцом, трудно было назвать любовью: всего-то обыкновенный тюремный роман, а точнее, банальная тюремная случка, произошедшая на глазах конвоира, молодого недотепистого веснушчатого парня, который на свой страх и риск за немалое вознаграждение свел их в комнате для свиданий. Сделка была выгодна всем трем сторонам. «Краснопогонник» получал обещанные деньги, причем как от мужчины, так и от женщины. Заключенный – обладание женщиной, по которой истомился за многие годы на «киче». Женщина – желанную беременность вместе с побрякушками, вытекающими из ее положения: послабление в режиме содержания, а после рождения ребенка – амнистию.

Еще через год она сдала Семена в приют, где озорного мальчугана присмотрела интеллигентная супружеская чета – приемные родители, для которых он стал настоящим сыном. Склонность к воровству у Семена проявилась едва ли не в младенческом возрасте, и даже наказания приемного отца не смогли отвадить его от пагубной привычки. От своего «призвания» он не отступил, просто эти кражи с возрастом ста-

ли изощреннее, и там, где иной просто крал кошелек, Чурсанов превращал воровство в настоящий спектакль со многими действующими лицами, так что пострадавший даже не подозревал, в какое именно время был обворован.

И все-таки на зону Семен Чурсанов попал. Правда, не за воровство, а за банальную «хулиганку» – нагрубил милиционерам и на шесть месяцев угодил на нары. Едва он пересек порог тюрьмы, как тотчас переродился, словно за его плечами был полувековой опыт неволи. Именно отсюда началась его карьера. Кровью, переданной отцом, он чувствовал, что не стоит уподобляться большинству и проживать, как все. Истина существования в неволе такова, что нужно быть сильнее других, чтобы не оказаться растоптанным!

Семен Чурсанов с интересом рассматривал протянутый перстень, в котором видел едва ли не родственную душу. Изумруд был столь же крепок, как и он сам. Смарагд можно назвать камнем фамильным, он передается по наследству от отца к сыну, именно в этом случае он дарует своему хозяину поддержку, наделяет небывалой силой духа, помогает выпутаться из самых сложных и запутанных ситуаций, так как является самым действенным талисманом. Камень, о котором мечтал Семен, находился в его ладони, и, чтобы всецело завладеть им, оставалось только надеть его на безымянный палец правой ладони, но он продолжал медлить, будто выискивал в нем изъяны.

Игорь Алешкевич, сидевший напротив, невольно скривил

губы:

– Тебя что-то смущает, Сема? Или камень не по чину?

Изумруд, имевший форму шестиугольной призмы, выглядел невероятно прозрачным. Он был настоящим королем всех изумрудов, и даже драгоценности в короне Мономаха в сравнении с ним смотрелись бы всего лишь жалкими цветными гальками.

– Изумруд хорош, вот только спросить у тебя хотел, не жаль расставаться с такой вещью? – спросил Семен, уперевшись в Игоря твердым взглядом.

Алешкевич держался спокойно, почти равнодушно, на камень он не смотрел, внутренне уже отторгнув его от себя, и думал о нем как о вещи, которая принадлежит кому-то постороннему. Собственно, так оно теперь и было.

– Честно?

– Хотелось бы.

– Час назад было жаль, а сейчас нет. Как-то свыкся с мыслью, что придется с ним расстаться. Это как красивая женщина, которая когда-то тебе принадлежала... Ласки ее помнишь, вот только знаешь, что дарит она их уже кому-то другому. А значит, нужно просто не думать об этом.

Алешкевич был страстный картежник, и в этом его главная беда. Едва ли не каждое воскресенье он проигрывал на катранах огромные суммы – все батюшкино наследство, оставленное в бриллиантах, изумрудах и в золоте. А ведь еще год назад казалось, что унаследованной роскоши не будет

конца. Но вот теперь пагубное влечение добралось до сердцевины его коллекции – до драгоценных камней, в которые чадолюбивый родитель вложил не только страсть, но и целое состояние.

– Это стоит больше, чем тридцать тысяч.

– Хорошо. Сколько ты за него хочешь? – спросил наконец Семен, надев перстень на безымянный палец, и каждой клеткой своего тела сразу почувствовал, что это его камень.

Сильная вещь должна соответствовать своему хозяину. И Семен осознавал, что готов отдать за него любую цену не торгуясь. Наверняка изумруд имел богатейшую историю. За сотни лет своего существования он достаточно попутешествовал по миру, преодолевал границы многих государств. Не однажды был украден и не однажды продан, пока, наконец, не отыскал своего достойного хозяина. И расставаться с ним Чурсанов не желал.

– Сам понимаешь, вещь непростая...

– Я понимаю, – сдержанно согласился Семен, – но каждая вещь, даже самая хорошая, имеет свою цену. Так сколько?

– Я бы за нее хотел сто тысяч!

– Однако! У тебя не хилые аппетиты. Это ведь не бриллиант.

– Бриллиант такого размера будет стоять в два раза дешевле. Ты не забывай, это изумруд! Причем чистейший! Ты приобретаешь не просто камень, а еще и берегиню, которая будет охранять тебя от всех бед.

– Ну, ты наговоришь! Это таким образом цену, что ли, набавляешь? Моя цена – пятьдесят тысяч!

Подбородок Алешкевича сжался в складки, обозначив едва заметный шрам (хорошая работа пластических хирургов: когда-то по пьяному делу его зацепили ножом за скверный язык).

– Хорошо, у меня к тебе есть деловое предложение, можешь оставшиеся пятьдесят тысяч оставить себе, но мне понадобится твоя помощь... Если согласишься, камень твой.

– Что за помощь?

– Ты не забыл, у тебя еще один долг.

– Это какой же? – усмехнувшись, спросил Семен.

– Ульяна, – коротко произнес Алешкевич.

Это был сильный аргумент, против которого трудно возразить. Еще год назад Ульяна была женой Игоря. Со стороны они смотрелись вполне привлекательной и счастливой парой. Воспринимались окружающими как единое целое, а потом у них как-то разладилось. Впрочем, их расставание нельзя было назвать неожиданным. Игорь Алешкевич делал все возможное, чтобы их отношения сошли на нет: зависал в ка-транах, не особенно скрываясь, менял женщин, не появлялся дома неделями...

Тогда он проживал в Питере, и его семейная жизнь напоминала существование на вулкане. Он был из той категории мужиков, что днем дарят женщине шубу, а вечером выстав-ляют подарок на игру. Такое испытание могла выдержать не

всякая женщина.

Вместе с семейными разладами у Ульяны вдруг обнаружилась собственная жизнь, куда Игорю отныне не было доступа. Поначалу это были посиделки с подругами за бутылкой сладкого вина, потом она стала появляться в ресторанах, бывало, что и не одна. Начали злословить о том, что своим поклонникам она дарит не только улыбки, но и нежности. И где-то в этот момент Семен обратил внимание на Ульяну всерьез. Он и прежде поглядывал на нее, но как-то мимоходом, как на красивый цветок, что растет в чужом палисаднике. Благоухает себе, да и ладно, а отошел от него на шаг – и уже позабыл. В жизни и так предостаточно всевозможных соблазнов и удовольствий, так что не стоит тратить энергию и время на то, что тебе не принадлежит. При редких встречах они обменивались лишь малозначащими, совершенно необязательными фразами, которые не могли привести к каким-то далеко идущим отношениям.

Да их и не могло быть!

Все это время она была поглощена собственным мужем, а он, не жалуясь на отсутствие женского внимания, срывал те цветы, что попадались под руку. Их первый серьезный разговор, после которого закрутились дальнейшие отношения, произошел полгода назад на дне рождения у Игоря. Неожиданно напившись, он вдруг стал неподъемным. Единственное, на что он был способен, так это лежать пластом на широкой двуспальной супружеской кровати и пыхтеть через две

дырочки в высокий сводчатый потолок. Так случилось, что они вдруг остались в одной комнате: через небольшую перегородку выдавал рулады напившийся до бесчувствия муж, а с другой стороны звучала плавная музыка. Гости, разбившись на пары, плавно танцевали. Посмотрев на Ульяну, сделавшуюся вдруг невероятно напряженной, Семен неожиданно осознал, что с этой женщиной у него могут возникнуть весьма приятные романтические отношения. Вот только никак не полагал, что ни к чему не обязывающий флирт с женой приятеля может перерасти в нечто глубинное.

– Почему бы нам как-нибудь не пообедать вместе? – неожиданно предложила Ульяна.

– Когда?

– В любое время, когда ты будешь свободен.

– Тогда давай завтра, – тихо произнес Чурсанов, пытаясь сдержать забурлившее ликование.

Внешне это выглядело вполне невинно: почему бы, действительно, не заглянуть в кафе и не пообедать вместе? Но оба прекрасно осознавали, что речь идет о любовном свидании.

После ужина в ресторане они сразу отправились к нему, в небольшую уютную квартиру, где шесть часов кряду, слившись в одно страстное объятие, устроили настоящее испытание недавно купленной кровати. После того вечера они сделались постоянными любовниками.

Странное дело, но, встречаясь с Ульяной, он получал все

то, чего искал в других девушках и не находил: она была с ним нежной, как ни одна другая, прекрасно чувствовала его настроение; умела ободрить и выглядела очень искренней. Некоторое время Семен думал о предстоящих объяснениях с Игорем. Даже представлял его кислую физиономию, когда объявит о том, что Ульяна ему уже не принадлежит. Однако все сложилось значительно проще – однажды Ульяна принесла в его квартиру небольшую котомку с вещами и объявила о том, что разговор с мужем уже состоялся и возврата к прежней жизни быть не может. Если же он ее не примет, то для нее прямая дорога на вокзал в зал ожидания, где она сумеет хотя бы переночевать.

Поначалу Семен воспринял Ульяну как еще одну девочку, ненадолго завернувшую в его холостяцкое гнездышко. Пройдет неделя-другая, и он выпроводит ее из квартиры вместе с принесенными мягкими тапочками в форме добродушных кошечек. Но ничего подобного не произошло, неожиданным образом его затянуло: сначала он прожил с ней месяц, потом еще два, а далее он просто перестал считать время – видеть красивое улыбающееся лицо Ульяны стало для него первой необходимостью. Ощущение собственной силы и присутствие любимой женщины ему невероятно нравилось.

После переезда к нему Ульяны Игорь старательно избегал встреч, а когда однажды они сошлись на катране за карточным столом, то ни единым словом не обмолвились об Улья-

не. Общались ровно, насколько позволяла мужская этика. Чего теребить нервы, в конце концов, это тот самый случай, когда женщина выбирает сама.

И вот сейчас между ними произошло первое объяснение, чему, похоже, оба были не рады.

Сделав над собой усилие, Семен хмыкнул:

– Ты предлагаешь, чтобы я тебе сказал спасибо за царский подарок? Так сложилось, я ее у тебя не отбивал... Ты это сам знаешь.

– Знаю... Но хочу заметить, что я не делал попыток вернуть ее обратно.

– Ты думаешь, что она вернулась бы?

– Во всяком случае, я мог бы попробовать... Нас много связывает хорошего... а там как получится. Я умею уговаривать женщин.

Семен посмотрел на изумруд, моргнувший ему с ладони зеленым блеском, и, слегка нахмурившись, спросил:

– Хорошо. Какие твои условия?

– Помнишь, как-то я показывал тебе брошь? Ты хотел ее купить.

Семен вспомнил красивую брошь с клеймом Фаберже, выполненную из цветного золота и с крупным бриллиантом в виде сердца.

– И что? Помню, ты ее не хотел продавать, говорил, что это семейная вещь.

– Так оно и было, – легко согласился Алешкевич. – Брошь

досталась моей прабабке от великого князя Николая Николаевича. Поговаривали, что между ними был серьезный роман, будто бы тот даже хотел на ней жениться, и когда Николай II не дал разрешение на морганический брак, то при расставании он подарил ей эту брошь. Моя бабка прожила до глубокой старости. В первые годы Советской власти в ее квартиру не однажды заявлялись с обыском чекисты, все думали, что великий князь оставил ей груды золотого добра. Кое-что, конечно, имелось... Все это реквизировали, бездельники там разные, посуду, золотишко кое-какое... Но всякий раз она как-то умудрялась сохранить эту брошь. Потом голод был, за бесценок продавались бриллианты, изумруды, и она опять уберегла этот подарок. Позже бабка передала брошь моей матери, а уже она наказала, чтобы я отдал ее своей невесте. Я как чувствовал, что с Ульяной у нас ничего не заладится, вот и не дал. А после ее ухода брошь в карты заложил... Долг большой был. И проиграл одному человеку!

– Все это, конечно, очень трогательно, но что ты от меня-то хочешь? – стараясь не поддаваться раздражению, спросил Семен.

– А ты послушай меня, – терпеливо продолжал Алешкевич, откинувшись на спинку кресла. Он ощущал себя невероятно комфортно в квартире возлюбленного своей бывшей жены. – Кроме этой броши, которой я очень дорожу, я проиграл ему несколько золотых монет царской чеканки, полгорсти бриллиантов, кулоны с крупными камнями и золотые

перстни.

– У тебя солидное наследство.

– Когда-то было, – отмахнулся Алешкевич.

– Так в чем вопрос?

– Я хочу, чтобы ты мне вернул мое семейное добро.

– Однако, – удивившись, протянул Семен. – И каким образом, по-твоему, я должен это сделать? За кого ты меня принимаешь? Я всего лишь бизнесмен. Занимаюсь антиквариатом.

– Да брось! – отмахнулся Игорь. – Антиквариат для тебя – всего лишь прикрытие. Я знаю, что именно ты взял банк в Пущино.

Банк был ограблен полгода назад, о чем в то время писали все столичные газеты. Бронированный грузовик, разбив тонкую кирпичную стену, въехал во внутренний двор банка, где в это время шла погрузка наличности в инкассаторскую машину. Направив на инкассаторов автоматы, налетчики в вязаных черных шапочках, скрывавших лица, покидали мешки с деньгами в кузов и скрылись так же неожиданно, как и возникли. Полиция, поднятая по тревоге, настигнуть налетчиков не смогла, а еще через час на окраине города в парковой зоне обнаружился сожженный грузовик. Грабители, прихватив с собой дюжину мешков, набитых крупными купюрами, скрылись на другой машине, от которой остались на земле лишь следы от протекторов.

Ограбление банка в Пущино было совершено за три с по-

ловиной минуты, как впоследствии рассказывали инкассаторы, действия налетчиков были четко отлажены и напоминали хорошо отрежиссированный спектакль: каждый из грабителей знал свои действия, и единственные слова, которые они слышали, были: «Лечь на землю! Буду стрелять!» Судя по интонациям, с какими были произнесены угрозы, сомневаться в серьезных намерениях не приходилось. В прессе прошла информация о том, что из банка было похищено тридцать миллионов рублей, в действительности цифра была в два раза больше.

– Вот как... Откуда?

– Я не могу сказать, – ответил после некоторой заминки Алешкевич.

– Тогда я не могу тебе помочь.

– Попробуй догадаться сам, – хмыкнул Игорь.

Алешкевич знал Жору с юности, правда, они не особенно дружили, и общение сводилось к нескольким фразам, буквально брошенным на ходу. А тут, заметив вошедшего в ресторан Игоря, тот пригласил его к себе за стол, за которым кроме него сидели еще две девицы. После прекрасно проведенного вечера с хорошим вином и вкусной закуской Жора, сверкнув пачкой стодолларовых купюр, расплатился за щедрое застолье и, прихватив с собой две бутылки белого вина для женщин и коньяк для себя, позвал к себе продолжить прерванное застолье. Они прибыли на его квартиру, а когда

спиртное было выпито, без суеты разошлись с девушками по спальням...

Договорившись с Жорой о встрече на ближайшие выходные, Игорь подготовился к ней основательно, для чего раздобыл у своего товарища, работавшего в аптеке, тиопентал натрия, больше известного в народе как «сыворотка правды», а в магазине не поскупился на бутылку дорогого «Хеннесси». Радущию Жоры не было предела. Когда количество выпитого изрядно превысило норму и хозяин прилег на кушетку, чтобы передохнуть, Игорь вколол ему в вену трехпроцентный состав раствора. Проснувшись, Жора посмотрел на приятеля мутным взглядом и вдруг сник, готовый отвечать на интересующие вопросы. Алешкевич узнал, кто именно ограбил банк, каким образом это произошло и куда Жора спрятал свои деньги. Затем Игорь увеличил дозу до коллапса и молча стал наблюдать за изменяющимся лицом Жоры – оно вдруг побледнело, заострилось, и тело, ослабев, медленно сползло со стула. Потрогав похолодевшие конечности, Алешкевич убедился, что тот мертв. Стерев свои отпечатки на всех предметах и прихватив припрятанные деньги, Игорь Алешкевич незамеченным покинул квартиру.

– Жора? – натянутым голосом спросил Семен.

Алешкевич лишь сдержанно улыбнулся:

– Да.

Семен лишь неодобрительно покачал головой. Тот памятный день он помнил до последней минуты. Деньги были раз-

делены уже через два часа после ограбления. Единственное условие, которое поставил Семен двум своим сообщникам, — не светить крупными купюрами. Жора терпеливо выждал первые две недели, а потом его понесло настолько, что он просто не знал удержу: накопил дорогого, но без всякого вкуса шмотья, свою старенькую «Ладу» поменял на сверкающий серебром «Порше», в центре города приобрел четырехкомнатную квартиру, в ресторанах оставлял чаевые по пятьсот долларов, с девицей, которую знал всего-то одну ночь, расплачивался так, как если бы оставлял ей имущество, нажитое в двадцатилетнем браке. Короче, делал все, чтобы им заинтересовались. Большие и шальные деньги ему просто снесли крышу!

Подобное безрассудство не могло кончиться хорошо. Еще через три месяца Жору нашли в собственной квартире бездыханным, а деньги, которые он держал в гараже, выгребли до последнего рубля. Так что оперативникам, прибывшим на место убийства, достались только холщовые мешки из-под денег с печатями банка. Следствие приняло новый оборот: пытались установить связи Жоры, пробивали его ближайшее окружение. Но еще через три месяца дело увязло среди его многочисленных знакомых, которые были весьма далеки от криминала: обыкновенные обыватели, а то и серьезные отцы семейств. Для них всех было немалым шоком узнать о том, что Жора, которого они обожали, щедрый товарищ и веселый балагур, любящий многошумные застолья и женщин, —

тот самый налетчик, о котором писала вся центральная пресса.

Семен невольно напрягся: если об этом знает Алешкевич, где гарантия, что Жора не проговорился кому-то еще.

– Он так тебе и рассказал? – задал Семен мучивший его вопрос.

– Пьяный был, – просто ответил Алешкевич. – Ну, так ты поможешь?

– Хорошо. Только давай условимся так: это будет твоя первая и последняя просьба.

– А больше мне ничего не надо, – расплылся в довольной улыбке Алешкевич. – Мне бы только фамильное добро вернуть.

Вскоре Алешкевич ушел.

– Вот что, Виталик, попаси его остороженько, чтобы не засветиться... Проследи, насколько он чистый. Важно знать, с кем он встречается. И еще вот что: с этой квартиры мы съезжаем. Не люблю неприятных сюрпризов, – сказал Семен после его ухода.

– Понял.

Неожиданно прозвенел звонок. На телефонном табло высветилась короткая надпись «*Номер неопределен*». К подобным визави Чурсанов всегда относился с некоторой настороженностью, можно было сбросить номер, но в этот раз он нажал кнопку приема:

– Слушаю.

– Как наш заказ?

Этот голос он узнал бы из тысячи других – вкрадчивый, тягучий. Человек с таким голосом должен обладать змеевидным телом и раздвоенным языком. Не будет удивительным, если он имеет хвост, подобное встречается в виде атавизма. С этим человеком Семен был знаком заочно через своих предыдущих клиентов. Он заказал ему в одном из музеев Санкт-Петербурга картину Тициана, предложив щедрый аванс. Именно с этого заказа и началось их сотрудничество. Позже он выполнил еще два больших заказа: из Московского музея скульптуры вытащил три древнегреческие фигурки, а из Флорентийского музея античного искусства – небольшую мраморную скульптуру обнаженной Дианы.

– Хм... Как вы меня нашли? В прошлый раз у меня был другой номер.

– Все так. Для нас это не составляет проблем.

– Уверяю вас, все идет по плану.

– У нас такое впечатление, что дело несколько затягивается.

– Не беспокойтесь, свой заказ вы получите в срок. Через неделю. Обнаружились кое-какие сложности.

– Надеюсь, вам под силу их разрешить?

– Да. Повода для беспокойства нет.

– Очень хочется верить. До связи.

Остановившись в небольшой рощице перед коттеджным

поселком, Семен вытащил из сумки седой парик и аккуратно натянул его на голову. Получилось весьма неплохо, как-то сразу постарел лет на двадцать. Затем достал седые накладные усы и аккуратно наклеил их на губу. Критически посмотрел на себя в зеркало. Перевоплощение полное! Вряд ли кто-нибудь из знакомых узнает его в таком неожиданном обличье. Нацепив на плечо почтовую сумку, он вышел из машины и направился к большому дому с красной черепичной крышей. Стараясь не смотреть в объектив видеокамер, висевших на двух столбах у самого входа, подошел к почтовому ящику и бросил небольшой конверт. Затем, также слегка сторбившись, походкой немолодого человека, придавленного жизнью, вернулся к машине и тотчас отъехал. Сорвав парик с головы, довольно хмыкнул – начиналось самое интересное.

Глава 5. Аквариум с акулой, или Почем нынче вазы?

Заложив руки за спину, Приходько осматривал свое последнее приобретение – китайскую вазу династии Мин. Высокая, в виде кувшина с двумя золочеными ручками, стилизованными под змей, она стояла на трех лапах какого-то диковинного зверя. Настоящий шедевр, обошедшийся ему в три миллиона долларов. Аналогичная ваза в прошлом году на аукционе «Сотбис» была продана в тридцать раз дороже. Так что можно было сказать, что ему невероятно повезло. Оставалось только сетовать на нечестивого, который надумил его завести столь дорогостоящее хобби. Исторические источники утверждают, что над созданием только одной такой вазы более года трудились восемьдесят мастеров. Главное же отличие вазы времени династии Мин заключалось в том, что фарфор благодаря примеси кобальта имел небесно-синий цвет. Расписанная диковинными сине-красными цветками и столь же сказочными птицами, ваза была невероятно тонкой – стенки толщиной в лист бумаги! Оставалось только удивляться ее необыкновенной судьбе: за шестьсот лет существования ваза не состарилась даже на день. При чем она наяву казалась совершенно прозрачной, будто бы сотканной из воздуха.

Коллекция Вадима Приходько насчитывала тридцать китайских ваз и могла соперничать с самыми известными музеями. Умело подобранная подсветка освещала каждую вазу, выгодно подчеркивая переплетенные рисунки, казавшиеся объемными. Не удержавшись, Вадим Петрович открыл стеклянный шкаф, в котором находилась ваза, и бережно взял ее в руки, чтобы через прозрачный фарфор рассмотреть папиллярный рисунок на фалангах пальцев. Неожиданно свет погас. Проклятье!

Осторожно поставив вазу обратно в шкаф, он позвал охранника:

– Макар! – А когда тот появился, распорядился: – Узнай, что там происходит.

– Уже узнали, Вадим Петрович, – бодро ответил охранник. – Позвонили на станцию, нам сказали, что замкнуло где-то в доме, сейчас подъедет специалист и разберется, в чем тут дело.

– Хотелось бы! – проворчал Приходько. – В доме одна сплошная электроника, того и гляди спалим все добро. – Показав на вазы, стоявшие в стеклянных шкафах, добавил: – Обидно будет, шестьсот лет хранились в идеальном состоянии, даже крошки с них не отлетело, а тут сгинут в русском пожарище!

В комнату, постукивая высокими каблуками по паркетным доскам, быстрым шагом влетела Аня, его недавнее приобретение. Уже в первые месяцы их совместного прожи-

вания он осознал, что из семейного бюджета на ее прихоти нужно выделять отдельную строчку. Сейчас же эта сумма достигла колоссальной величины – на такие деньги можно было построить небоскроб. А не проще ли в таком случае содержать целый гарем женщин, которые не будут предъявлять на него права и не станут допытываться, где он находится в тот или иной отрезок времени? Причем случай был клинический – аппетиты Анюты день ото дня только возрастали.

«Интересно, что же такого она придумала в этот раз?» – поймал себя на раздражении Приходько.

– Вадим, нам нужен аквариум, – уверенно объявила Аня, широко распахнув крупные и влажные, как у газели, глаза. Приходько ловил себя на том, что буквально попадал под гипноз волоокого взгляда. Следовало стряхнуть с себя наваждение, возразить, но он только взирал на ее красивые губы, извергающие очередную глупость. – Знаешь, я тут была у Степана с Ольгой, так у них аквариум просто во всю стену. Ты даже не представляешь, какая это красота! – Для пущей убедительности молодая женщина сложила узкие ладони, как это делают верующие в минуты молитвы, и покачала головой из стороны в сторону.

Вадим внутренне скривился. Интересно, что она могла увидеть среди разросшихся водорослей, чтобы сообщать ему об этом с таким сакральным придыханием? Может, это была ожившая голова горгоны Медузы, с развивающимися над макушкой шипящими змеями? Бывать в доме у Степана ему

доводилось. По его мнению, вполне обыкновенный аквариум, правда, большой, в котором плавала пара десятков каких-то длиннохвостых рыб, способных украсить собой самую убогую сковородку.

Для Вадима Приходько это второй брак. Первой его женой была Полина, студенческая страстная любовь, на которой он женился уже на третьем курсе и с которой прожил в согласии пятнадцать прекрасных лет. Полина, имея такт и прекрасно разбираясь в его настроении, никогда не донимала его какими-то безумными проектами: бассейн на крыше дома и тропическая оранжерея в яблоневом саду. Просто однажды, видно устав от его бесконечных измен, она объявила: «Я ухожу», – и, сложив личные вещи в небольшой чемодан, навсегда покинула его дом. Долгие уговоры поговорить и обсудить все по-тихому ни к чему не привели. Полина была из тех женщин, что долго терпят, но уж коли приняли решение, никогда не оглядываются назад. И вот тогда он обратил внимание на свою секретаршу – смазливую куклу с огромным куском губной помады вместо мозгов. Может, потому она и выглядит невероятно свежо, что не обременяла себя какими-то замысловатыми и заумными мыслями. Эдакий легкокрылый мотылек, порхающий с одного цветка на другой.

Сдерживая накатившее раздражение, Вадим Петрович произнес:

– И где же мы поставим этот аквариум, дорогая?

– Конечно же, в зале! – с невероятным подъемом отозва-

лась Анята, очевидно посчитав, что дело уже решенное. Вадим Петрович старался выглядеть спокойно: у его женушки на самые хитрые вопросы всегда отыскивались исчерпывающие ответы. — Там очень много места. Лучше будет, если мы поставим его напротив входа. Представляешь картину: у нас прием, швейцары открывают двери, гости входят в зал и видят в аквариуме плавающую акулу! — восторженно произнесла она и победно посмотрела на мужа.

Видно, в лице Приходько произошли какие-то серьезные перемены, потому что через какую-то минуту улыбка понемногу сползла с ее губ, глаза еще более повлажнили — было похоже, что она хочет расплакаться. И, кажется, всерьез удивлялась тому, почему он не разделяет ее восторженного настроения.

Приходько внимательно смотрел на жену — она выглядела куда проще, чем это представлялось ему при первом знакомстве. Кто знал, что в такой хорошенькой ухоженной головке могут скрываться столь нелепые идеи. Интересно, какой дьявол ей их нашептывает? Прежде чем занять кресло его секретаря, она целых два года проработала на овощном рынке (так что в жены он взял девушку с некоторой биографией). Уж не там ли она нахваталась разного рода бредней?

Охранник отвернулся в другую сторону и старательно делал вид, что не расслышал слов Аняты. В действительности он скрывал широкую добродушную улыбку, буквально раздиравшую его лицо.

– Ты это... серьезно? – наконец подобрал Приходько нужное слово. – Или все-таки шутишь? А то, знаешь ли... – Анята обиженно молчала. – Я всегда говорил, что шутки – не самая сильная сторона твоей личности. Есть люди, которым лучше промолчать, чем что-то произносить.

– Я не шутила. Сегодня не первое апреля. Представляешь, как она тут будет плавать! – Глаза женщины вдруг запылали настоящим сатанинским огнем, словно она намеревалась оседлать эту самую акулу.

– А ты еще добавь, сколько от этого будет разного рода дерьма! Я тебя хочу откровенно спросить: вот на хрена нам эта самая акула? Нам что, забот, что ли, не хватает? Или мы так хорошо живем, что нам просто нечем заняться?

– Но, Вадим, – взмолилась женщина, – по-обещай! Это же так классно!

Прозвевший телефонный звонок был хорошим поводом, чтобы отойти в сторонку и забыть жену вместе со всеми ее бредовыми идеями... Ну хотя бы на время! Включив прием, Приходько громко произнес:

– Слушаю...

– Вадим Петрович, тут пришли бумаги из налоговой инспекции, нужна ваша помощь.

– Что, так серьезно?

– Да.

– Хорошо, скоро появлюсь. Соберу все, что там нужно, и в офис!

– Электрик уже здесь, – сказал подошедший охранник.

– Вадим, так как нам быть с аквариумом? Ты меня совсем не любишь, – капризно надула губы Аня. Интересно, когда ей стукнет пятьдесят, она точно так же будет изображать из себя обиженную малышку?

– Ладно, пусть будет акула, – принял Приходько нелегкое решение. – Надеюсь, она хоть не белая. А то здоровая, под шесть метров, да и вообще...

– Ты просто милый, – ответила Аня, наградив его сдержанным поцелуем, и, выгнув и без того прямую спину, вышла из комнаты.

Повернувшись к охраннику, Приходько добавил:

– Займешься этим аквариумом лично, иначе не отстанет. Пусть делает, что хочет.

– Хорошо, Вадим Петрович, – с готовностью отреагировал охранник.

– Если она мне вконец надоест, так я ее просто разрублю на части и скормлю этим акулам, которых она так любит. Более идеальное убийство трудно будет придумать.

Охранник умело выдержал серьезное выражение – не тот случай, чтобы весело скалиться на остроумную шутку хозяйина.

– Чего молчишь? – спросил Приходько. – Ты все понял?

– Да.

– Вот и отлично. А теперь прими этого электрика. Пусть сделает все, что нужно, и как можно быстрее! Не сидеть же

нам без света.

Вадим Петрович распахнул дверь и прошел в свой кабинет, который больше напоминал просторный зал, где подле высокого окна стоял широкий стол.

Спустившись к воротам, охранник увидел молодого мужчину с тонкими усиками и аккуратной стриженной бородкой, державшего в руке небольшой чемоданчик с металлическими углами. Одет он был в синий служебный комбинезон, какие обычно предпочитают работники сферы услуг.

Увидев подошедшего охранника, мужчина весело пошутил:

– А я уже стал подумывать, что свет вам и не нужен.

– Проходи, – сухо сказал охранник, распахнув калитку. – Надеюсь, ты знаешь, что делать?

– Замыкание случилось где-то в доме, нужно посмотреть цепь. А запаха гари не было?

Развернувшись на брусчатке, напоминавшей голову какой-то диковинной гадины, охранник зорко посмотрел на электрика:

– Какой еще такой гари?

– Какая случается при горении электрической проводки, – хмыкнул электрик. – Противная такая, ядовитая.

– Вроде бы ничего такого не было, – наморщил лоб охранник.

– Ну, это уже обнадеживает. Думаю, дело пойдет поживее. Они прошли в дом. Огромный и прохладный, как коро-

левский склеп.

— Где тут у вас щиток? — спросил электрик, повертев головой. — Ага, вижу, — кивнул он в сторону черной коробки, утопленной в глубине стены. Посветив фонарем, приподнял крышку щитка и что-то долго и неудовлетворенно хмыкал, как это делает доктор, разглядев у больного неоперабельный недуг. Единственное, что может того поставить на ноги, так это щедрое пожертвование в фонд больницы.

— И что скажешь?

— Вижу, что где-то в комнатах идет перепад напряжения, нужно все как следует посмотреть.

— Только знаешь что, давай как-нибудь по-быстрому. Хозяин не приветствует такие вещи. Работу сделаешь проворно, получишь дополнительное вознаграждение за оперативность.

— Послушай, парень, тебе качество нужно или что-то другое? — удивленно спросил электрик, тряхнув густой шевелюрой. — Я могу не напрягаться особенно. Сделаю как попало и пойду. Только потом не говори, что я чего-то не доделал.

— Ладно, — отмахнулся охранник. — Делай, что там положено.

В сопровождении охранника электрик прошелся по комнатам, глядя на обилие световых приборов, недовольно кивал головой и ядовито хмыкал и без конца вслух удивлялся по поводу проделанной работы. Ковырял пальцем торчавшие провода и закатывал глаза под самый потолок.

– Вот что значит шабашники! Халтура кругом! Кто вам такую проводку сделал? – посмотрел он на охранника, неотступно шагавшего следом.

– Я не знаю, – озадаченно ответил тот. – Это до меня было.

– Вот ведь люди! Содрали бабки с хозяина по полной, и никакой ответственности! А ведь все на соплях держится. Замкнет в одном месте, и пожар по всему дому пойдет. Таковую проводку даже врагу не пожелаешь! Сгоришь живьем! Я так думаю, вот в этом месте нужно все переделать.

– О чем ты говоришь! По-твоему, все это расколачивать нужно, так, что ли? Тут за один дизайн миллионы заплачены!

– Не горячись, может, удастся сделать как-нибудь по-иному. А в этой комнате что?

– Это кабинет хозяина. Но туда нельзя, – всполошился охранник.

– Странные вы люди, предлагаете мне как-то минимизировать весь этот бардак, что вам встроили в стены, и тут же оговариваетесь, что нельзя ни к чему притрагиваться. А может, там как раз и есть источник перепада напряжения. Может так полыхнуть, что о-го-го!

– Ладно, заходи давай, смотри! Только по-быстрому, – распахнул дверь охранник, пропуская электрика.

– На первый взгляд как будто все в порядке, – пожал тот плечами. – Ага, а вот и нет... Вижу щиток, – показал он на черную кнопку, слегка выпирающую из стены. – Видно, от-

сюда бьет.

– Это не щиток, а сейф.

– Хм, странно сработан. Он что, в стену, что ли, вмонтирован?

– Получается, что так. Ладно, не нашего ума это дело. Пойдем отсюда.

– А что за той стеной?

– Комната для переговоров.

– Да, интересно посмотреть. Может, там что-нибудь не так? Вижу, что проводка по потолку идет и уходит как раз через стену в ту комнату. Может, там где-то пробивает. Изоляция разрушена.

– Хорошо, давай посмотрим.

Они прошли по коридору, стены которого были увешаны пестрыми картинами соцреализма. Немного найдется желающих вывесить картины с женщинами, одетыми в комбинезоны, с красными платками на головах, и с рабочими, сжимающими в руках огромные гаечные ключи. Хотя сейчас именно такое искусство востребовано и стоит больших денег.

– У вас здесь как в музее. Наверное, хорошо работать в таком доме?

– Ты бы меньше болтал, – нахмурился охранник и, распахнув дверь, буркнул: – Проходи.

Электрик по-деловому осмотрел комнаты, что-то почеркал в блокноте, исписанном многими значками. Неодобрительно покачал головой на люстру, сверкавшую хрусталем,

и веско проговорил:

– Кажется, я понимаю, в чем тут дело. Видишь, на той стене небольшое пятнышко?

– И что?

– Вот здесь нужно просверлить, чтобы вытащить обгоревший провод, заменить его, и проблем не будет.

– Сколько тебе понадобится времени?

– Думаю, работы на полчаса. Максимум минут на сорок!

– Приступай! – разрешил охранник.

Открыв чемодан, электрик вытащил автономный перфоратор и, приладив сверло к стене, принялся сверлить. Твердый камень поддавался тяжело: сыпался белым порошком на пол, осколками разлетался по комнате. Грохот тотчас заполнил комнату, пробивался во двор через плотно закрытые окна, вырывался трескучими звуками в коридор. Охранник вышел наружу, плотно прикрыв за собой дверь.

Еще через минуту сверло, почувствовав сопротивление, издало скрежещущий звук. Мастер выключил перфоратор и, установив алмазное сверло, продолжил сверлить. Твердый абразив уверенно вгрызался в металлическую бронированную поверхность. Еще через две минуты стальная преграда была преодолена, и сверло мягко вошло вовнутрь. Еще немного расширить отверстие, и будет в самый раз...

Когда отверстие было рассверлено до нужных размеров, он вытащил дрель, разобрал ее и аккуратно уложил в чемодан. Дело оставалось за малым. Открыв ноутбук, элек-

трик присоединил к нему зондирующий оптический провод, а другой конец воткнул в отверстие и принялся умело руководить зондом, нажимая на клавиши, – заставлял его вытягиваться и изгибаться, выискивать дорогу в темноте. На экране монитора высветилось содержание сейфа со многими папками, секреты которых составляли десятки, а то и сотни миллионов долларов. Жаль, что их невозможно извлечь через узкое отверстие. Переместив зонд в правую сторону, он рассмотрел небольшую пластиковую коробочку и, подняв гибкий зонд, разглядел ее содержимое. Это были ограниченные драгоценные камни, судя по октаэдрической форме – алмазы. Здесь же находилась брошь. Вытащив зонд, он так же аккуратно уложил его в чемодан и, достав оттуда портативный пылесос, сунул шланг в отверстие. Пылесос утробно и гулко заработал, втягивая в себя содержимое сейфа. Слышно было, как по гибкому пластиковому шлангу перекачиваются камешки и падают в пылеуловитель. Когда в мешочек упал последний драгоценный камень, электрик без суеты упаковал пылесос. Осталось последнее – он просунул в дыру небольшой конверт.

На все ограбление ушло не более пятнадцати минут. Поставив на место отверстия заглушку, электрик посмотрел на проделанную работу – теперь ничто не свидетельствовало о том, что здесь побывал взломщик, – и негромко произнес в телефонную трубку:

– Включай свет. Все сделано.

– Понял.

– Да смотри, чтобы самого не шарахнуло. Напряжение высокое.

– Не впервой, уже ученый!

Еще через минуту в доме вспыхнул свет. Электрик вышел из комнаты и направился к охраннику, стоявшему в коридоре.

– Принимай работу, начальник, – щелкнул выключателем Семен. – Горит все, как и положено.

– Не отключится? – подозрительно спросил охранник.

– Сделано на совесть. И через сто лет гореть будет. Я там насорил немного в комнате, но без этого нельзя было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.